

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ*

Аделина Саргсян

Ключевые слова: социальное значение, деятельное раскаяние, поощрение, стимулирование, исправление, предупреждение преступлений.

Развитие общественных отношений, процессы глобализации, происходящие в мире, обусловили принятие Республикой Армения и Российской Федерацией курса на гуманизацию современной уголовно-правовой политики, приведение между собой в соответствие целей исправления лиц, совершивших преступление, предупреждение преступности с восстановлением социальной справедливости. Невозможность и неэффективность предупреждения преступности только лишь репрессивными мерами обусловили необходимость внедрения и широкого применения института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, стимулирующим положительное постпреступное поведение лиц, совершивших преступление, способствующее раскрытию преступлений, характеризующихся высокой степенью латентности и предупреждению совершения новых преступлений. Институт деятельного раскаяния представляет собой воплощение на практике широко провозглашенных в различных международно-правовых актах принципов справедливости и гуманизма, служащих основным ориентиром для правоохранительных и правоприменительных органов. Помимо вышеуказанных принципов, институт деятельного раскаяния представляет собой также реализацию требований дифференциации и индивидуализации уголовно-правового воздействия.

О необходимости применения института деятельного раскаяния говорят многие ученые. В частности, Коробеев А.И., Усс А.В. и Голик Ю.В. утверждают, что «человек, попавший в сферу влияния уголовного закона и вступивший с ним в конфликт, должен иметь возможность при соблюдении ряда условий в любой момент выйти из этого конфликта» [1].

Ряд авторов отмечает, что анализ института деятельного раскаяния позволяет совершенно определенно говорить о его весомом вкладе в предупреждение преступлений. Правоохранительные органы, и в первую очередь органы внутренних дел как стоящие на передовом рубеже борьбы с преступностью, должны учитывать это и использовать в повседневной деятельности, всячески пропагандируя значение деятельного раскаяния, а также непосредственно проводя работу по склонению лиц к такому позитивному постпреступному поведению [2].

Вышеуказанные мнения позволяют нам сделать вывод о социально-правовой значимости института деятельного раскаяния в уголовно-правовой политике государства по предупреждению преступности.

Целью настоящего исследования является рассмотрение сущности института деятельного раскаяния, анализа его социально-правового значения в деле предупреждения преступлений, ресоциализации виновных лиц, реализации принципов справедливости и гуманизма.

Идея уголовно-правового компромисса заключается в допустимости определенных послаблений к лицам, совершившим преступные деяния, в обмен на их позитивное постп-

---

* Հոդվածն ընդունվել է 11.01.20:

Հոդվածը տպագրության է երաշխավորել խմբագրական խորհրդի անդամ, ի.գ.դ., պրոֆեսոր Ս. Օաղիկյանը: 31.01.20:

реступное поведение, выгодное для органов уголовной юстиции, а по большому счету — и для общества в целом. Становится общепризнанным, что при нынешних криминальных реалиях без доктринального и практического признания этого уголовно-правового феномена борьба с преступностью эффективной быть попросту не может. В свою очередь, важным проявлением уголовно-правового компромисса служит институт деятельного раскаяния, впервые появившийся в российском законодательстве в действующем Уголовном кодексе. Будучи одним из обстоятельств, позволяющих освобождать от уголовной ответственности совершивших преступления лиц при условии выполнения ими названных в УК РФ условий, деятельное раскаяние в реальности подтвердило свой значительный контркриминальный потенциал [3].

Гуманизация уголовно-правовой политики, реализуемая в направлении уменьшения репрессивности норм уголовного кодекса имеет особую актуальность, объясняемую, в частности, перегруженностью мест лишения свободы, несоответствием состояния уголовно-исполнительных учреждений международным пенитенциарным стандартам, отсутствием нормальных условий содержания осужденных, наличием широких возможностей для «криминального заражения» лиц, характеризующихся меньшей степенью общественной опасности, следствием чего выступает разрушение морального климата в обществе. Уголовно-исправительные учреждения выступают благоприятной почвой для распространения в определенной социально-культурной среде преступных наклонностей и навыков, способствуя тем самым дальнейшей криминализации общества.

Таким образом, представляется совершенно нецелесообразным применение во всех случаях наказания в целях достижения его целей. Приведенные выше аргументы свидетельствуют именно о возможном обратном «эффекте» репрессивных начал уголовного законодательства, отрицательным образом сказывающемся на состоянии преступности в государстве. Как отмечал Н.С. Таганцев, «применение наказания к преступным деяниям есть право государства, которым оно может и должно пользоваться только тогда, когда это представляется необходимым и целесообразным для охраны правового порядка, памятуя все несовершенство уголовной юстиции, всю тяжесть, которой она ложится не только на лицо, подпадающее под колеса давящей колесницы Фемиды, и на лиц, ему близких, но и на всех граждан» [4].

Однако следует отметить, что, несмотря на совершенствование уголовно-правовой политики Республики Армения и Российской Федерации, последовательной реализации принципа гуманизма, выражающейся в применении поощрительных уголовно-правовых норм, в теории уголовного права нет единого мнения по вопросу о соотношении неотвратимости уголовной ответственности, наказания и освобождения от уголовной ответственности, в связи с чем представляется целесообразным анализ позиции противников института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Противники института деятельного раскаяния объясняют свою позицию тем, что его применение представляет собой отступление от принципа неотвратимости уголовной ответственности и равенства всех перед законом.

По мнению М.П. Карпушина и В.И. Курляндского, «целью наказания не может быть только исправление виновного лица. Важное значение имеет цель воздаяния за содеянное, что служит и социальной справедливости как частной, так и общей превенции. Поэтому не может быть единственным основанием освобождения от уголовной ответственности позитивное постпреступное поведение виновного» [5].

В целях исключения противоречий между соблюдением принципа неотвратимости уголовной ответственности и поощрением позитивного постпреступного поведения посредством поощрительных норм, интересным и заслуживающим заимствования является

зарубежный опыт. Необходимо отметить положение, закрепленное в ст. 7 Модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ «Принцип неотвратимости ответственности» и, таким образом, исчерпывающее вопрос о противоречии рассматриваемого уголовно-правового института основополагающим принципам уголовного законодательства: «Лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным Уголовным кодексом. Освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных законом». В соответствии с положением Модельного УК привела свое уголовное законодательство и Республика Кыргызстан, в ст.10 которого говорится о том, что «лицо, совершившее деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, подлежит наказанию и (или) другим мерам уголовно-правового воздействия. Освобождение от уголовной ответственности, наказания или его отбывания, а также замена наказания более мягким допускаются лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

Применительно к вопросу о соотношении института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и принципа неотвратимости ответственности следует упомянуть Постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан «О практике назначения судами уголовного наказания» от 03.02.2006 г. N 1, в разделе «По применению общих начал назначения наказания» которого отмечается о необходимости разьянения судам сущности принципа неотвратимости ответственности, закрепленного в ст. 10 УК, и не предполагающего во всех случаях обязательное применение наказания. Учитывая данное обстоятельство, судам надлежит в каждом конкретном случае обстоятельно обсуждать вопрос об освобождении от ответственности лиц, впервые совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, проявивших деятельное раскаяние, активно способствовавших раскрытию преступления и возместивших причиненный ущерб.

О противоречии института деятельного раскаяния принципу равенства перед законом говорит И.Л. Петрухин, отмечая, что «вводя институт деятельного раскаяния, законодатель заведомо шел на отступление от принципа равенства граждан перед законом. Если два человека совершили абсолютно одинаковые преступления и характеристики их личностей полностью совпадают, то освобождение одного из них от ответственности и осуждение другого вряд ли можно объяснить соображениями гуманистического свойства» [6]. С подобной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку речь идет не только и не столько о характеристике личности как таковой, а о ее изменении (постпреступная характеристика личности) после совершения преступления, выражающейся в определенных указанных в законе положительных постпреступных действиях, свидетельствующих об уменьшении степени общественной опасности лица, совершившего преступление, возможности его исправления без отбывания наказания и, как следствие этого, нецелесообразности привлечения к уголовной ответственности.

А.А. Нерсесян грубейшим нарушением принципа равенства граждан перед законом считает освобождение от уголовной ответственности одного из соучастников с учетом данных, характеризующих личность виновного, при относительном равенстве «преступного вклада» [7]. Мы не согласны с данной точкой зрения, поскольку, на наш взгляд, справедливость как принцип уголовного права и равенство граждан перед законом предполагают именно индивидуализацию ответственности, учет в каждом случае личностных свойств людей, подлежащих освобождению от уголовной ответственности.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания предполагает «воздаяние по заслугам» осужденному, в связи с чем представляется верной точка зрения Д.А. Шестакова о том, «что социальной справедливости соответствует и пресечение

преступной деятельности, и официальное от имени государства порицание преступника, и возмещение по мере возможности вреда, причиненного потерпевшему».

Интересным является подход армянского законодательства в проекте нового Уголовного кодекса закрепившего, наряду с введением уголовной ответственности юридических лиц, также и освобождение от нее. Таким образом, Республика Армения в полной степени реализует принцип восстановления социальной справедливости посредством предоставления возможности освобождения от уголовной ответственности юридических лиц. Зачастую потерпевшие от преступлений заинтересованы именно в материальной компенсации вреда, причиненного в результате совершения преступления, в особенности если речь идет о преступлениях, субъектами которых выступают юридические лица. В первую очередь, на наш взгляд, институт деятельного раскаяния имеет важное значение при совершении юридическими лицами преступлений в сфере экономической деятельности.

Таким образом, достижение целей общей и специальной превенции в некоторых случаях возможно и без привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, поскольку зачастую данная репрессивная мера является чрезмерно строгой, не соответствующей требованиям закрепленного в уголовном законодательстве принципа гуманизма. Учитывая данное обстоятельство, уголовно-правовая политика изыскала наиболее оптимальный способ разрешения подобных уголовно-правовых конфликтов, закрепив на законодательном уровне институт деятельного раскаяния, представляющий собой компромисс между государством и лицом, совершившим преступление, стимулирующим позитивное постпреступное поведение последнего в обмен на возможность освобождения от уголовной ответственности.

Несмотря на указанные преимущества поощрительных норм о деятельном раскаянии, высокой степени их социальной значимости, практика применения рассматриваемых норм указывает на ряд существующих недостатков, препятствующих эффективности их превентивного значения. Отсутствие законодательно закрепленных механизмов контроля за поведением виновного после его освобождения от уголовной ответственности сказывается на предупредительном потенциале института деятельного раскаяния и свидетельствует о снижении его превентивной функции. Также в целях недопущения превращения преступниками института деятельного раскаяния в своеобразный «инструмент», позволяющий каждый раз совершать преступление и избегать привлечения к уголовной ответственности, нами предлагается исключение возможности повторного освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Рассматривая социально-правовое и предупредительное значение поощрительных норм о деятельном раскаянии, возникает вопрос о том, необходимо ли наличие всех условий деятельного раскаяния, закрепленных в ст. 72 УК РА и ст. 75 УК РФ для освобождения от уголовной ответственности? Толкование рассматриваемых уголовно-правовых норм позволяет прийти к выводу об обязательном выполнении всех условий деятельного раскаяния для освобождения от уголовной ответственности. Подобная позиция представляется нами нецелесообразной, не соответствующей сути и целям института деятельного раскаяния, существенным образом снижающей ее предупредительный потенциал и значительно сужающей сферу ее применения.

Природу деятельного раскаяния раскрывает С.П. Щерба, отмечая, что «деятельное раскаяние – это уникальное правовое и психологическое явление». Институт деятельного раскаяния восходит ещё к Ветхому Завету Библии, где сказано: «Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Прит. 28:13).

Несмотря на то обстоятельство, что деятельное раскаяние является отражением личностного, внутреннего психологического отношения виновного лица к совершенному им

преступному деянию и представляет собой его переживания о содеянном, тем не менее правовое значение оно приобретает лишь в случае объективного его подтверждения в предусмотренных законом активных действиях. Мысли, психическое состояние лица, если они не выразились вовне в форме конкретных действий, поступков, не являются объектом уголовно-правовой оценки [8].

Совершенно верной представляется мнение В.А. Кушнарева, утверждающего, что социально полезное постпреступное поведение, и в частности деятельное раскаяние лица, объективно указывает на его отрицательное отношение к совершенному деянию, что может подтверждать уменьшение общественной опасности личности преступника, однако не является во всех случаях свидетельством полной утраты лицом такой опасности, как считают некоторые авторы [9]. Мы полностью поддерживаем данную позицию, поскольку, учитывая то обстоятельство, что мы не являемся сторонниками кумулятивной теории деятельного раскаяния, совершение лишь одного из действий, предусмотренных соответствующей уголовно-правовой нормой, не дает свидетельства об абсолютной утрате виновным лицом общественной опасности, а указывает лишь на ее уменьшение, внутреннее побуждение к исправлению.

Интересной и заслуживающей внимания является позиция законодателей ряда государств, учитывающая социальное и нравственное значение института деятельного раскаяния. В частности, УК Республики Украина, регламентируя норму об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, указывает на необходимость обязательного наличия искреннего раскаяния лица в совершенном им преступлении. Однако требование установления в каждом конкретном случае признаков действительно-го раскаяния виновного в содеянном может вызвать большие затруднения на практике, тем самым сузив круг применения рассматриваемой поощрительной нормы. Именно потому в уголовном законодательстве государств отсутствует требование установления мотивов явки с повинной.

Социальное назначение деятельного раскаяния выражается также и в том, что в результате выполнения виновным условий деятельного раскаяния могут быть выявлены и другие преступления, ранее не известные правоохранительным органам, что в свою очередь выступает необходимой предпосылкой своевременного их раскрытия, и, как следствие этого, реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности – эффективного средства предупреждения преступлений.

Большинство современных государств рассматривает освобождение от уголовной ответственности, в частности институт деятельного раскаяния, в качестве одного из эффективных средств воздействия на преступность и ее предупреждение.

Эта тенденция нашла свое отражение и в международных документах. Идея внесудебного разрешения уголовно-правовых конфликтов была одобрена, например, Комитетом министров государств-членов Совета Европы. Комитет издал официальные рекомендации, в которых были зафиксированы основные модели подобного урегулирования. Многие зарубежные страны активно используют альтернативные меры уголовной ответственности, назначением которых является разгрузка следственных и судебных органов, уменьшение наполненности уголовно-исполнительных учреждений, соблюдая при этом права и законные интересы потерпевшего, общества и государства.

Определенный интерес с точки зрения расширения случаев, применительно к которым возможно действие института деятельного раскаяния, представляют собой уголовные законодательства Республики Таджикистан и Республики Беларусь, альтернативным образом закрепляющие условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Так, законодатель в ч. 1 ст. 72 УК Республики Таджикистан перечисляет условия деятельного раскаяния, разделяет союзами «или», что означает возмож-

ность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и при наличии одного или нескольких из указанных условий. Белорусский законодатель сформулировал уголовно-правовую норму о деятельном раскаянии, опять-таки придерживаясь теории разумной куммулятивности и предусмотрел условия деятельного раскаяния в качестве альтернативных.

Представляется целесообразным заимствование рассматриваемой теории армянским и российским законодателем, в первую очередь, ввиду того, что требование обязательного наличия всех условий, предусмотренных в ст. 72 УК РА и ст. 75 УК РФ, искусственно сужая сферу ее применения, зачастую может приводить к ситуации, когда по объективным обстоятельствам лицо просто не имело возможность выполнить все из них.

Уголовные кодексы РА и РФ предусматривают охрану личности, общества и государства от преступных посягательств и предупреждение преступлений основными задачами уголовного законодательства. Реализация последней функцией достигается, в первую очередь, посредством психологического воздействия на сознание граждан через устрашение и убеждение. Однако как отечественный, так и зарубежный опыт свидетельствуют о невозможности уменьшения числа совершаемых преступлений и повышения эффективности раскрываемости преступлений только лишь репрессивными мерами, в связи с чем предупредительная функция уголовного права реализуется не только в запретительных, но и в поощрительных нормах. Предусмотрение законодателем в уголовном кодексе поощрительных норм обусловлено возможностью их социально-психологического (стимулирующего) воздействия на поведение лиц, совершивших преступление.

Зная либо предполагая, что нарушение уголовно-правового запрета получит не просто отрицательную оценку со стороны общества, но и повлечет применение принудительных мер государственного воздействия, субъект в абсолютном большинстве случаев не испытывает потребности быть подвергнутым этим мерам. Отсюда его стремление избежать уголовной ответственности и наказания и соответствующего поведения. Это вполне естественно, поскольку, как отмечается в психологической литературе, чувство страха и стремление к безопасности /инстинкт самосохранения/ "запрограммированы" генетически и могут вообще не рефлексироваться. Но, с другой стороны, страх перед уголовной репрессией может обусловить позитивное постпреступное поведение, стать его мотивом [10].

Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить, безусловно, важное социально-правовое значение института деятельного раскаяния, его весомый вклад в предупреждение преступлений и ресоциализации лиц, их совершивших, а также необходимость дальнейшего совершенствования данной поощрительной нормы в целях наиболее эффективного ее применения и реализации целей, поставленных перед ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974, стр. 232.
2. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск, 1991, стр. 238.
3. Кушнарев В.А. Проблемы толкования норм уголовного права о деятельном раскаянии // Следователь. 2001, N 1, стр.44-49.
4. Нерсесян А.А. Вопросы наказуемости в уголовном праве ФРГ и США, М., 1992, стр.246.

5. Никулин С. И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью. Учебное пособие. — М., МВШМ МВД СССР, 1985, стр. 64.
6. Никулин, С. И. Деятельное раскаяние и его роль в предупреждение преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. стр. 24 .
7. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999, стр.392.
8. Сабитов Р.А. Квалификация поведения лица после совершения им преступления. Омск, 1986, стр. 120.
9. Савинский А., Циммерман И. Деятельное раскаяние: от законодательного декларирования к реальному применению // «Законность». N 3.,2004, стр. 36-37.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции: Часть Общая. М., 1994,Т.2, стр. 380.

РЕЗЮМЕ

Социально-правовое значение института деятельного раскаяния Аделина Саргсян

Рассматривается социально-правовая природа института деятельного раскаяния, стимулирующего позитивное постпреступное поведение виновного, некоторые вопросы законодательного регламентирования, препятствующие наиболее эффективной реализации социально-полезной функции рассматриваемой поощрительной нормы. Процессы глобализации, происходящие в мире, необходимость развития и реализации принципов уголовного законодательства, взятие на себя государством международно-правовых обязательств обуславливают последовательную гуманизацию армянского и российского уголовного законодательства, расширение сферы применения норм о деятельном раскаянии и совершенствование соответствующих поощрительных уголовно-правовых норм. В статье выделяются некоторые направления совершенствования поощрительной нормы о деятельном раскаянии и механизма его применения, способствующие наиболее эффективному выполнению поставленных перед ней задач, в частности, приводятся некоторые положения соответствующих норм зарубежного уголовного законодателя, заимствование которых предполагается целесообразным. Автором была предпринята попытка подвергнуть комплексному исследованию институт деятельного раскаяния как социально-правового феномена с учетом как действующих Уголовных кодексов Российской Федерации и Республики Армения, так и проекта нового Уголовного кодекса Республики Армения, а также теоретических взглядов по данному вопросу.

ԱՄՓՈՓԱԳԻՐ

Գործուն զղջման ինստիտուտի սոցիալ-իրավական նշանակությունը Ադելինա Սարգսյան

Քանալի բարեք՝ սոցիալական նշանակություն, գործուն զղջալ, խրախուսում, խթանում, ուղղում, հանցագործությունների կանխարգելում:

Ուսումնասիրվում է գործուն զղջալու ինստիտուտի սոցիալ-իրավական բնույթը, որը խթանում է մեղավորի դրական հետհանցավորային վարքագիծը, օրենսդրական կանոնակարգման որոշ հարցեր, որոնք խոչընդոտում են քննարկվող խրախուսական նորմի սոցիալ-օգտակար գործառույթի առավել արդյունավետ իրականացմանը: Աշխարհում տեղի ունեցող գլոբալացման գործընթացները, քրեական օրենսդրության

սկզբունքների զարգացման և իրականացման անհրաժեշտությունը, պետության կողմից միջազգային իրավական պարտավորությունների ստանձնումը պայմանավորում են հայկական և ռուսական քրեական օրենսդրության հետևողական հումանիզացումը, գործուն գղջալու նորմերի կիրառման ոլորտի ընդլայնումը և համապատասխան խրախուսական քրեաիրավական նորմերի կատարելագործումը: Հոդվածում առանձնացվում են գործուն գղջալու և դրա կիրառման մեխանիզմի վերաբերյալ խրախուսական նորմի կատարելագործման որոշ ուղղություններ, որոնք նպաստում են նրա առջև դրված խնդիրների առավել արդյունավետ իրականացմանը, մասնավորապես, բերվում են արտասահմանյան քրեական օրենսդրի համապատասխան նորմերի որոշ դրույթներ, որոնց փոխառությունը ենթադրվում է նպատակահարմար: Հեղինակը փորձ է կատարել համալիր հետազոտության ենթարկել ինչպես սոցիալ-իրավական երևույթի գործուն գղջալու ինստիտուտը՝ հաշվի առնելով ինչպես Ռուսաստանի Դաշնության և Հայաստանի Հանրապետության գործող Քրեական օրենսգիրքը, այնպես էլ Հայաստանի Հանրապետության նոր քրեական օրենսգրքի նախագիծը, ինչպես նաև տվյալ հարցի վերաբերյալ տեսական հայացքները:

SUMMARY

The Social-Legal Significance of The Institution of Active Repentance

Adelina Sargsyan

Keywords: social significance; active repentance; encouragement; stimulation; correction; prevention of crimes.

The socio-legal nature of Institute of active repentance which stimulates a positive behavior of the perpetrator, as well as some issues of legislative regulation that prevents the effective realization of socially useful functions of the incentive rules are examined in the article. The processes of globalization that are taking place in the world, the need to develop and implement the principles of criminal law, and the state's commitment to international legal obligations determine the consistent humanization of the Armenian and Russian criminal laws, the expansion of the scope of application of the rules on active repentance, and the improvement of the corresponding incentive criminal law rules. The article highlights some areas of improvement of the incentive norm on active repentance and the mechanism of its application that contribute to the most effective implementation of the tasks set for it. In particular, some provisions of the relevant norms of the foreign criminal legislator, the borrowing of which is considered appropriate, are given. The author made an attempt to make a comprehensive study of the Institute of active repentance as a social and legal phenomenon, taking into account both the current Criminal code of the Russian Federation and the Republic of Armenia, and the draft of the new criminal code of the Republic of Armenia, as well as theoretical views on this issue.